

С тех пор Чэн Фэнтай действительно сдержал свое слово: каждый день, едва встав с постели, приходил к Шан Сижую, чтобы выразить свое почтение. Увидев его, он начинал кричать нараспев:

— Удачи вам, хозяин Шан!

Шан Сижуй лишь кивал, улыбаясь с достоинством:

— Поднимайтесь, второй господин!

День за днем повторялись эти две фразы, и, казалось, они никогда не надоедали. Сяо Лай и старина Гэ уже привыкли к этим чудачкам. Если однажды Чэн Фэнтай опаздывал, Шан Сижуй начинал выражать недовольство.

Теперь Чэн Фэнтай хранил свой любимый черный чай и закуски у Шан Сижуйя и, приходя, пил чай, ел закуски, словно находился у себя дома, превратив дом Шанов в свою временную резиденцию. Он не любил сладкое, поэтому закуски были все соленые. Когда Шан Сижуй впервые увидел ароматные пирожные и рулетики, он с радостью хватал их и кусал, но каждый раз откусывал лишь по кусочку — ни одно из них ему не нравилось, потому что они не были сладкими. Чэн Фэнтай добавлял в его черный чай молоко и сахар, превращая его в английский чай с молоком, который Шан Сижуй очень любил, хотя это было настоящим расточительством для хорошего чая Чэн Фэнтая.

Когда Чэн Фэнтай завтракал, Шан Сижуй обычно обедал, и они часто ели вместе. Хотя Шан Сижуй всегда требовал мяса в каждом блюде, Сяо Лай, будучи северянкой, готовила с несколько более насыщенным вкусом, используя такие ингредиенты, как лапша и зеленый лук. Иногда Чэн Фэнтай не мог привыкнуть к этому и, положив палочки на край чаши, говорил:

— Пойдем, хозяин Шан! Давай поедим в городе! Как насчет утки по-пекински?

С этими словами он обнимал Шан Сижуйя за плечи и уходил, оставляя весь стол с едой.

Раньше, когда Чэн Фэнтай не приходил, Сяо Лай всегда ела за одним столом с Шан Сижуйем. С тех пор, как Чэн Фэнтай появился, она стала есть одна на кухне. Из-за таких мелочей она все больше злилась на него, и, увидев его, хмурилась с раздражением. В конце концов Шан Сижуй почувствовал это, и, когда Чэн Фэнтай снова предложил пойти поесть в городе, тихо сказал:

— Эти блюда вполне хороши, давай просто поедим здесь, не хочется выходить.

Чэн Фэнтай, зная, что он обожает ходить в рестораны, с подозрением посмотрел на него, а Шан Сижуй смущенно добавил:

— Если мы будем так поступать, Сяо Лай расстроится. Она уже недовольна!

Чэн Фэнтай тоже не хотел злить Сяо Лай, поэтому просто ел, что было подано.

Однако, увидев это, Сяо Лай снова думала с обидой: разве ты не говорил, что моя еда невкусная? Зачем тогда ешь? Разве у тебя нет денег на ресторан? Подарки, которые Чэн Фэнтай дарил ей в знак благодарности за ее кулинарные навыки, она никогда не принимала, опуская голову и уходя, не обращая внимания на его зов. Однажды он оставил у ее двери набор

косметики от «Сефучунь», надеясь, что она тайком возьмет его, ведь девушки любят такие вещи. Но месяц спустя он все еще лежал там. Она решительно настроилась против Чэн Фэнтая.

Во время празднования дня рождения старой княгини Ань Шан Сижуй получил от Нин Цзюланя слегка переработанный сценарий, который вновь пробудил в нем страсть к опере куньцзюй. С тех пор он не переставал говорить о ней. Вернувшись к куньцзюй, он с большим усердием поставил несколько полных спектаклей «Пионовой беседки» и «Западного флигеля», вопреки текущим тенденциям. Куньцзюй всегда пользовалась популярностью в высших кругах, и друзья Шан Сижуйя из числа литераторов и интеллектуалов горячо отреагировали на это. Однако в нынешнее время, несомненно, наибольшей популярностью пользовалась Пекинская опера, а все остальные жанры находились на втором плане. К счастью, на спектакли Шан Сижуйя по-прежнему собирались полные залы, иначе управляющий театром наверняка бы рассердился.

После встречи с Шан Сижуйем в резиденции князя Ань Хоу Юйкуй начал обращать на него больше внимания. Услышав, что он оставил Пекинскую оперу ради куньцзюй, он не смог не обеспокоиться и несколько дней подряд вызывал Шан Сижуйя к себе. Тот, польщенный, надел новую куртку и отправился за наставлениями. Все думали, что старый Хоу собирается дать ему несколько ценных советов, как когда-то Нин Цзюлань вдохнул в него «бессмертный дух». Однако на самом деле Шан Сижуй научился у Хоу Юйкуя только тому, как готовить опиумные шарики, а тот, рассказывая об истории театрального мира, не дал ему ни одного совета по актерскому мастерству. Лишь однажды, когда Шан Сижуй уходил, Хоу Юйкуй не удержался и сказал:

— Пой хорошо, не отвлекайся, не запускай свое искусство!

Шан Сижуй поклонился в знак согласия.

Шан Сижуй проявлял необычайное почтение к тем, кого уважал, становясь менее своевольным и упрямым. Например, если бы кто-то другой сказал ему что-то подобное в разгар его выступления, он бы наверняка ответил: «Пекинская опера — это тоже опера, куньцзюй — это тоже опера, почему исполнение куньцзюй считается отвлечением? Что я пою — не ваше дело!» Но с Хоу Юйкуем он мог только покорно слушаться. То же самое касалось и Юань Сяоди. Чэн Фэнтай когда-то обещал организовать их встречу, но потом забыл об этом. Однако Шан Сижуй помнил, но не напоминал, терзаясь в душе. Он был таким странным.

Однажды за обедом на столе оказались только вчерашний суп из курицы с капустой и тофу в соусе, и, не найдя ничего вкусного, Шан Сижуй начал придираться к Чэн Фэнтаю:

— Где мой Юань Сяоди? Ты же обещал!

Чэн Фэнтай остановил палочки, прищурился:

— Что значит «твой» Юань Сяоди? Как он стал «твоим»?

Шан Сижуй, понимая, что проговорился, не стал продолжать эту тему, но настаивал на встрече с Юань Сяоди. Чэн Фэнтай, делая вид, что не забыл, спокойно сказал:

— Он сейчас очень занят, я уже договорился с ним, через пару дней, наверное, встретимся.

Давай выберем место с хунаньской кухней? Подумай, о чем будешь говорить с ним.

Шан Сижуй встал, вытащил из супа куриную ножку, оторвал ее руками, обмакнул в соевый соус и начал грызть, словно разбойник из горного ущелья:

— Я не знаю, что ему сказать. Я вообще ничего не скажу.

Чэн Фэнтай, хмурясь, с усмешкой сказал:

— Сначала измени свою манеру есть, а то напугаешь его до смерти.

Шан Сижуй вытер рот тыльной стороной ладони:

— На людях я никогда так не буду. Хозяин Шан — человек воспитанный.

В день встречи элегантный хозяин Шан держал в руках складной веер и был одет в шелковую куртку цвета каменной синевы. Он вел простую жизнь, и его повседневный наряд ограничивался лишь тем, что он натирал волосы маслом, надевал новую одежду и брал хороший веер. Однако благодаря своей красивой внешности даже небольшое усилие делало его особенно привлекательным, свежим и изящным, словно стеклянная фигурка. Это было время цветения в Бэйпине, и несколько пушинок ивы колыхались на ветру, словно нежный снег.

Чэн Фэнтай, придя вовремя, подъехал на машине к переулку, чтобы забрать Шан Сижуйя. Тот с застенчивой улыбкой медленно шел по переулку, идущий навстречу ветру и пушинкам ивы, он напоминал стихотворение или картину — «Кто этот юноша на дороге, столь прекрасный и очаровательный?» Чэн Фэнтай невольно вышел из машины, опершись на дверь, и завороченно смотрел, как Шан Сижуй приближается.

Тот, смущенный его взглядом, подойдя, сказал:

— Что ты уставился?

Чэн Фэнтай схватил его за плечи, с восхищением глядя на него:

— Хозяин Шан, красавец юноша, как же ты хорош!

Шан Сижуй, слегка гордый и смущенный, покачал головой.

Они пришли в ресторан, где Юань Сяоди уже сидел за столом. Они не опоздали, он пришел раньше, сидя с достоинством и спокойно потягивая чай, настоящий образец образованного купца.

Юань Сяоди, выросший из низшего слоя лицедеев прошлой эпохи, привык к унижениям и глубоко стыдился своего происхождения. Несмотря на последующий успех, он всегда был чрезвычайно скромнен и осторожен в присутствии людей, и даже сейчас, став купцом, этот характер остался с ним. Из-за чрезмерной скромности и вежливости он производил впечатление холодного и трудно доступного человека.

Выйдя из театрального мира в зрелом возрасте, он открыл магазин тканей. Через Чэн Фэнтая он получал высококачественные шелковые материалы и продавал их дамам и девушкам из высшего общества, которые когда-то слушали его оперы. Поэтому его бизнес был высококлассным, изысканным и спокойным. Иногда клиенты приглашали его на банкеты или карточные игры и иногда просили спеть. В такие моменты Юань Сяоди чувствовал себя очень грустно, словно он никогда не сможет избавиться от своей роли актера.

Как только Шан Сижуй увидел Юань Сяоди, он едва мог двигаться. Чэн Фэнтай подтолкнул его в спину, чтобы он сел, и вежливо заговорил с Юань Сяоди. Тот сразу же обратил внимание на Шан Сижуйя. У актеров была особая аура, их осанка была более изящной, движения плавными, словно они постоянно размахивали рукавами или играли пальцами, а их глаза сияли красотой.

<http://bllate.org/book/15435/1368599>